

Шел одиннадцатый день первого месяца двадцать третьего года правления императора Чэнхуа.

Как издавна повелось, сегодня был первый день празднования Фестиваля Фонарей. У чиновников начались выходные, так что на работу до окончания фестиваля обычно никто не выходил.

Но в этом году из-за внезапной кончины благородной наложницы Вань император созвал заседание Большого Двора, дабы обсудить ее посмертный титул, из-за чего драгоценные выходные чиновников оказались сокращены на один день.

Многие уже слышали, что император собирается даровать госпоже Вань титул императрицы, и стопка прошений, подобно огромному сугробу, потихоньку скапливалась на столе императора со вчерашнего дня. Одни прошения содержали горячие возражения, другие – одобрение, а третьи – предложения о том, какой посмертный титул благородной наложнице следует даровать.

Но император ни на одно из них даже не взглянул.

Они с Вань Туном заранее договорились, что посмертный титул благородной наложницы – лишь прикрытие. Истинной целью заседания было низложение наследного принца.

— Почему у меня такое чувство, будто вот-вот что-то должно произойти? Глаз весь прошлый вечер дергался! – потирая веки, тихо пробормотал Сюй Пу.

Он даже о вчерашнем визите Лю Цзяня к Тан Фаню не знал, не то что о произошедшем в Дасине.

— Левый глаз дергается к богатству, правый – к беде. Который был у тебя? – рассеянно бросил Лю Цзянь.

— Наоборот же, нет? Я слышал, что левый глаз – к беде, а правый – к богатству. А если они оба дергаются?

— Может, дома тебя красавица писаная ждать будет?

— Да иди ты! – шутливо отругал Лю Цзяня Сюй Пу, но затем быстро спрятал улыбку и, понизив голос, спросил: – Погляди на Вань Сюньцзи и остальных. Тебе не кажется, что они ведут себя несколько странно?

Лю Цзянь нахмурился. Он еще не получал от Тан Фаня весточки и не знал, как продвигается дело, однако сомнения его не оставляли. Ведь если бы Вань Ань не намекнул им, Тан Фань бы вообще ничего не выведал.

Услышав эти слова, он присмотрелся к лицам Вань Аня и его приспешников, но не обнаружил в их мимике и поведении ничего странного. Все было как всегда. На таких важных мероприятиях, как заседание Большого Двора, мало кто вел себя столь же непринужденно, как в Кабинете, и выражения лиц у всех были серьезнее, чем обычно.

— Твое прошение готово? – шепотом спросил он Сюй Пу.

— Готово, – также тихо отозвался тот. – Но ты действительно хочешь этого? Боюсь, как бы мы не поставили Его Величество в неловкое положение.

Лю Цзянь с Сюй Пу, ровно как и Вань Ань со своими соратниками, тоже строили планы на этот день.

Если бы император продолжил настаивать на присвоении госпоже Вань титула императрицы, они представили бы ему прошение с возражениями. Если бы тот отказался их слушать, они продолжили бы стоять на своем, рискуя потерять свои черные чиновничьи шапки. А если бы император пошел на компромисс, они бы также пошли на уступки и согласились на то, чтобы госпоже Вань присвоили любой другой почетный титул, дабы утешить его.

Конечно, император, вероятнее всего, не собирался отступать, а потому в руках обоих были припрятаны прошения на случай самого негативного исхода.

— Если не сделаем этого, наследному принцу придется почитать ее как свою мать, – ответил Лю Цзянь.

Сюй Пу молча вздохнул.

Войдя в Восточный дворец, наследный принц был скромн, вежлив, трудолюбив, прилежен в учебе и производил впечатление достойного и мудрого будущего правителя Мин. Однако самым поразительным было его доброе сердце. Любой, кто хоть раз с ним встречался, питал по отношению к нему из-за перенесенных в детстве тягот лишь симпатию вперемешку с жалостью, но никак не неприязнь. Многие из дворцовых служащих были готовы отдать за него свои жизни, а Лю Цзянь с Сюй Пу и Тан Фанем, пару раз поговорив с наследным принцем, всем сердцем поддерживали Восточный дворец.

А вот Сын Неба, родной отец принца, нисколько не был к нему привязан. Вернее, это касалось всех его сыновей. В этой жизни вся любовь императора, кажется, принадлежала одной лишь госпоже Вань.

Пока они говорили, зал заполнили прочие придворные.

Раздался свист церемониального кнута, и император взошел на трон, покинув внутренние покои. Шепот в момент стих, чиновники с торжественным видом ждали слов императора.

Восседать на императорском троне совсем не то же самое, что стоять внизу под ним.

Со своего места император мог видеть выражения лиц всех и каждого в зале.

В первые годы своего правления он, возможно, был только рад сидеть здесь, следя за реакциями придворных, но то было очень давно.

Когда госпожа Вань была подле, у него не было ни времени, ни желания совершенствоваться морально и духовно. Он все время проводил с ней или развлекался с красавицами – благо в

гареме было полно молодых и привлекательных девиц. Все эти придворные дамы, служанки и наложницы принадлежали лишь ему одному, и удержаться от такого соблазна было бы сложно любому, включая императора Чэнхуа. Он и обретением бессмертия был так одержим не столько потому, что хотел продлить себе жизнь, сколько ради того, чтобы вернуть себе мужскую силу.

Госпожу Вань это все, естественно, ужасно расстраивало. Она была огромной собственницей, и, несмотря на то что позже ее перестало волновать, сколько детей породил император, женщины гарема, удостоившиеся его внимания, вызывали у нее неконтролируемый гнев.

Но чем больше она препятствовала императору в его похождениях, тем более заманчивыми для него казались сии запретные удовольствия.

Однако со смертью госпожи Вань все изменилось.

Император вдруг обнаружил, что ни одна, даже самая красивая, женщина не вызывает у него больше интереса, а слова Ли Цзышэна с Цзи Сяо об обретении бессмертия, его не цепляют.

Во всем свете был лишь один человек, способный заставить его почувствовать себя живым, и без нее он стал похож на одинокого блуждающего призрака, не заинтересованного в продолжении своей жизни.

“Может, очень скоро я смогу вновь увидеть сестрицу Вань”.

Император тихо, практически бесшумно, вздохнул.

Он испытывал необыкновенную всепоглощающую усталость, пронизывающую его тело до самых костей. Даже теперь, сидя на Троне Дракона и глядя на лица всех, кто внизу, он чувствовал, что задыхается.

Обычно заседания Большого Двора начинались с барабанного представления, организованного Двором Королевской Музыкальной Школы, но сегодня был особенный день, причем совсем не праздничный, так что подобное было бы неуместно.

Согласно договоренности, первый министр должен был выступить с предложением низложить наследного принца, а после получения согласия императора, Пэн Хуа с Инь Чжи, пользуясь всеобщим замешательством, планировали немедленно преподнести императору соответствующий указ. И дело было бы сделано.

Если бы чиновники подняли слишком большой шум, император отказался бы от затеи даровать госпоже Вань титул императрицы с условием, что те согласятся на низложение принца.

По правде сказать, император был полон решимости даровать госпоже Вань титул императрицы, но прошлой ночью вдовствующая императрица, услышав о его намерениях, закатила ему скандал, угрожая, что покончит с собой. Император не желал обрекать мать на смерть, а потому был вынужден уступить ей.

Кроме фракции Ваней о его настоящих планах не знал никто. Все придворные думали, что сегодняшнее заседание Двора посвящено обсуждению посмертного титула благородной наложницы Вань.

Все было готово. Не хватало лишь одного.

Император бросил взгляд на Вань Аня, находившегося ближе всех к ступеням.

Тот стоял, склонив голову и не поднимая на него глаз.

Согласно придворному этикету, смотреть в лицо государя во время аудиенций было не положено.

И из-за этого император не мог разглядеть выражения лица Вань Аня.

“Почему он молчит?”

А молчал Вань Ань, потому что колебался.

Накануне они с Лю Цзянем крупно поссорились. И естественно, это произошло не просто потому, что тот задел его за живое. Просидев в Кабинете больше десяти лет, Вань Ань пережил и испытал куда больше Лю Цзяня. Все самое болезненное и неприятное о себе он уже слышал не раз, и слова Лю Цзяня по сравнению с этим были лишь детским лепетом.

Он просто толкнул лодку по течению, передав послание противнику под видом обычной ссоры.

Однако послание это вышло слишком замысловатым, так что уверенности в том, понял ли его Лю Цзянь, не было: может, намек был понят, а, может, и нет.

Вань Ань сам не знал, о чем думал.

Он не желал принимать участие в заговоре против Двора и менять наследного принца на двойника, портя императорскую родословную, а потому надеялся, что Лю Цзянь с товарищами сможет раскрыть заговор Вань Туна, а его помилуют за то, что дал им наводку.

Но, с другой стороны, как ни крути, в заговоре он все-таки был замешан, так что снять с себя вину полностью не мог, а потому в результате мог оказаться отвергнутым как фракцией Ваней, так и людьми наследного принца – один против всех.

Из-за этих противоречий он метался, не в силах понять, что делать, и в конце концов дал Лю Цзяню настолько туманный намек, что разглядеть его было практически невозможно. Мол: “Если догадаетесь, мне это зачтется, а если нет – это не мое дело”.

Настал момент, когда он должен был попросить императора о низложении наследного принца, тем самым раскрыв присутствующим настоящую причину сегодняшнего собрания.

Но он медлил не в силах издать ни звука.

Молчание затянулось. Придворные начали переглядываться, а если бы за ними не наблюдали цензоры, то еще бы и перешептываться принялись.

Фракция Ваней была встревожена больше прочих, недоумевая, что происходит с Вань Анем.

Пэн Хуа протянул было руку, желая ткнуть его в бок, но стоявший между ними Лю Цзи

немного сдвинулся в сторону, намеренно или нет не дав Пэн Хуа осуществить задуманное. Тот был так зол, что заскрежетал зубами и мысленно проклял Лю Цзи до восьмого колена.

Первым не выдержал Ли Цзышэн:

— Ваше Величество, Вашему подданному есть, что сказать!

Все устремили на него свои взгляды.

Ли Цзышэн был помощником министра обрядов, а за организацию похорон благородной наложницы как раз отвечало Министерство Обрядов, так что то, что он первым подал голос, не вызвало ни у кого удивления.

Видя, что император не против, дежурный евнух из Управления Церемониями, воскликнул:

— Говори!

— Ваш подданный полагает, что на наследника престола Небесами возложена огромная ответственность за судьбы всего народа, а значит, дабы управлять целой страной, он должен быть благословлен Небесами. Однако вокруг наследного принца то и дело происходят несчастья. Сначала мир покинула его мать, затем подкосилось драгоценное здоровье Вашего Величества, а теперь и благородная наложница почилла. Не стоит также забывать о пролетевшей через Северный Ковш комете, землетрясении на горе Тайшань и других предвестиях...

Бум! Зал просто взорвался. Все думали, что Ли Цзышэн заговорил, дабы выслужиться перед императором и предложить даровать госпоже Вань посмертный титул. Кто бы мог подумать, что он начнет бросаться обвинениями в наследного принца?!

Незадолго до этого вопрос о низложении принца уже поднимали – дело то успело наделать много шума, а улеглось с землетрясением на горе Тайшань, поскольку все решили, что его вызвал император своим желанием лишить наследного принца титула. А еще все полагали, что вопрос этот больше никогда не поднимут. Однако Ли Цзышэн вдруг вновь заговорил об этом, да еще и принца в землетрясении на горе Тайшань обвинил!

Землетрясение то было обычным стихийным бедствием – Небеса не могли говорить, а вот люди – вполне, так что и Волю Небес каждый трактовал так, как ему хотелось. Сторонники наследного принца трактовали ее как следствие недостатка в добродетелях императора, а фракция Ваней – как следствие недостатка в добродетелях принца.

Лю Цзянь с Сюй Пу лишились дара речи.

Никто из них и предположить не мог, что все так обернется!

Они подготовили прошения, связанные лишь с госпожой Вань, тогда как фракция Ваней перехитрила их, действуя, казалось бы, вопреки любому здравому смыслу!

Все произошло так внезапно, что остальные присутствующие в зале оказались застигнуты

врасплох не меньше, чем Лю Цзянь с Сюй Пу, и могли лишь молча слушать уверенную речь Ли Цзышэна.

— ...Очевидно, что порочность его достигла таких размеров, что Небеса и Земля недовольны. А потому Ваш подданный просит Ваше Величество избрать другого, более добродетельного и мудрого наследника, дабы исполнить волю небесных светил и народа!

Ли Цзышэн, не давая никому и слово вставить, уверенно закончил свою речь, поклонился и вернулся на свое место.

— Ваше Величество, Ли Цзышэн несет полный бред! Прошу прощения, но Ваш подданный не согласен! – встревоженно воскликнул Лю Цзянь, наконец спохватившись. – Очевидно же, что землетрясение на горе Тайшань...

К счастью, он не настолько позабыл о приличиях, чтобы в панике выдать что-то вроде: “Очевидно же, что землетрясение на горе Тайшань было предупреждением Небес Вашему Величеству из-за того, что Вы, Ваше Величество, желали низложить наследного принца”.

— Очевидно же, что землетрясение на горе Тайшань было лишь стихийным бедствием! А стихийных бедствий не предотвратить! И при чем здесь наследный принц?! Более того, принц был объявлен наследником более десяти лет назад, так какое отношение он может иметь к смерти благородной наложницы?! Ваше Величество, прошу, не слушайте этих подхалимов!

— Если я подхалим, то кто ты, старейшина Лю? – равнодушно бросил Ли Цзышэн. – Ты так предан наследному принцу лишь потому, что служил учителем в Восточном дворце. Однако, как бы благородна ни была кровь наследного принца, он лишь наследник престола. Как подданные, мы должны хранить верность лишь одному государю. Ты прикрываешься преданностью наследному принцу, а сам преследуешь свои эгоистичные цели. Очевидно, вся праведность старейшины Лю показная. На самом деле, он всего лишь обычный лицемер!

— Клевета! – Лю Цзянь был в ярости. – Мое сердце отдано наследному принцу лишь потому, что он законный и достойный преемник, назначенный самим Его Величеством! Нет у меня никаких эгоистичных целей!

— Старейшина Лю так разнервничался, – холодно возразил Ли Цзышэн. – У кого-то точно совесть нечиста!

Лю Цзянь понял, что спором делу не поможешь, а потому тотчас снял свою черную шапку чиновника и, опустившись на колени, скорбно возопил:

— Ваше Величество, в чем вина наследного принца?!

— Ваше Величество! – Сюй Пу опустился на колени вслед за ним. – Наследный принц всегда был почтительным, доброжелательным и смиренным! Его добродетель не может подвергаться сомнению. Ваше Величество, прошу! Примите правильное решение!

Многие придворные поспешили вторить им и один за другим опустились на колени.

Но были и те, кто остался в стороне или просто принадлежал фракции Ваней.

Зал погрузился в хаос. Наблюдающим цензорам пришлось выступить вперед, чтобы призвать всех к порядку. Прошло изрядное количество времени прежде, чем шум улегся.

Вань Ань по-прежнему безмолвствовал, будто полностью позабыл о своих обязанностях первого министра. Лишь неподвижно стоял, словно заснул.

Если бы не тот факт, что до заседания он успел перебраться с кем-то парой слов, все решили бы, что его чем-то накачали.

Вань Тун тоже присутствовал на заседании, но не имел права голоса. Если бы человек вроде него опрометчиво высказался, то навлек бы на себя лишь отвращение со стороны гражданских чиновников, а может, даже спровоцировал бы некоторых официальных лиц, изначально настроенных по отношению к нему нейтрально, перейти на сторону его врагов. Все это он прекрасно понимал, а потому продолжал хранить молчание.

Однако мысленно уже сто раз Вань Аня проклял. Если бы знал, что тот струсит, ни за что бы не дал ему накануне так легко уйти!

Оторвав гневный взгляд от спины Вань Аня, он подал знак глазами Пэн Хуа.

В текущей ситуации ответственность за руководство фракцией Ваней и исполнение плана ложилась на плечи Пэн Хуа. Он тотчас выступил вперед и предложил даровать благородной наложнице титул императрицы Сыновней Почтительности, Здоровья, Спокойствия, Строгости, Мудрости, Благосклонности, Торжественности и Доброты посмертно.

Тотчас позабыв о низложении наследного принца, все принялись спорить о том, следует ли нарекать госпожу Вань императрицей.

Но Лю Цзянь уже понял, куда ветер дует. Какой посмертный титул госпожи Вань? Очевидно, что фракция Ваней с самого начала прикрывалась им, дабы низложить наследного принца!

И император, скорее всего, обо всем знал, а потому и молчал, подыгрывая им!

Переглянувшись и заметив отчаянную решимость в глазах друг друга, Лю Цзянь с Сюй Пу приготовились выступить против низложения наследного принца, отложив в сторону вопрос о титуле госпожи Вань.

— Мы еще живы. Что за шум вы подняли? – раздался вдруг громкий голос императора.

Чиновники один за другим опустились на колени, моля о прощении. А Лю Цзяню с Сюй Пу пришлось проглотить едва не слетевшие с языка слова.

Что же делать?

Император, должно быть, имел в виду низложение наследного принца. Неужели того лишат титула прямо у них на глазах?

Неужели принцу не миновать сей участи?

Сколько бы Лю Цзянь с Сюй Пу ни тревожились, руки их были связаны. Не могли же они просто взять и перебить императора!

В прошлом император всегда консультировался с Кабинетом Министров прежде, чем принять решение, но на этот раз он даже словом о низложении принца не обмолвился, позволив фракции Ваней творить беспредел, а значит, вероятнее всего, был тверд в своих намерениях!

— Наследный принц не первенец и рожден не от законной жены, – помолчав с минуту, продолжил император. – Он вошел в Восточный дворец лишь потому, что двое его старших братьев умерли во младенчестве. По всем правилам, первенцем нашим был сын, рожденный благородной наложницей. А поскольку благородная наложница дала жизнь первому сыну императора, посмертного титула императрицы она вполне заслуживает. Но раз все наши подданные так против, а мы не желаем, чтобы между монархом и подданными произошел раскол, мы приняли решение лишь низложить...

— Ваше Величество, Вашему подданному есть что сказать!!!

Позади присутствующих раздался голос, невероятно оглушительный в воцарившейся тишине.

Все в изумлении обернулись и увидели в дверях Зала Великой Гармонии двух человек. Те стояли против солнца, так что всем пришлось прищуриться, чтобы разглядеть их лица.

Лишь Лю Цзянь с Сюй Пу узнали вошедших с первого взгляда и невольно вскрикнули: “Тан Фань!”

Да, это был Тан Фань.

Прошлой ночью в загородный дом Вань Туна в Дасине ворвалась Императорская Стража во главе с замаскированными Суй Чжоу с Сюэ Лином. Застигнутые врасплох, люди Вань Туна оказались убиты прежде, чем кто-то успел сбежать и передать своему начальнику новости.

С помощью наложницы Вань Туна, барышни Мань, Суй Чжоу нашел важную улику в подземном складе на переднем дворе дома.

И улика эта была достаточно ценной, чтобы переломить ход сегодняшних событий.

Поскольку новости наружу просочиться не успели, Вань Тун не имел ни малейшего представления о том, что произошло в его загородной доме, и не знал, что его припрятанный в рукаве козырь был обнаружен и еще с рассветом привезен в столицу Суй Чжоу, а затем передан Тан Фаню и доставлен во дворец.

Тан Фань, хоть и бездельничал дома, по-прежнему оставался министром, к тому же на протяжении всего времени ему помогали Суй Чжоу с Ван Чжи. Последний даже сходил к вдовствующей императрице и, рассказав обо всем случившемся, получил от нее специальный императорский указ. Иначе бы Тан Фаню не удалось без происшествий добраться до Зала Великой Гармонии.

Вот так, долго ли, коротко ли он наконец явился на заседание Большого Двора.

Если бы прибыл чуть раньше, то всего этого безобразия бы не произошло.

Но, к счастью, он и не опоздал.

— Ваше Величество, Вашему подданному есть что сказать! – Тан Фань вошел, таща за руку худощавого парнишку, перепуганного и спотыкающегося на каждом шагу.

Разглядев его, все ахнули!

Вань Тун изменился в лице.

— Тан Жуньцин, а ты наглец! Ворвался на заседание императорского Двора, да еще и наследного принца смеешь удерживать! – возмутился кто-то.

Император нахмурил брови.

— Эй, там! Стража! – закричал Вань Тун. – Взять этого мятежника живым или мертвым!

В дверях показались фигуры императорских гвардейцев.

Тан Фань, конечно же, не собирался стоять и ждать, пока его зарубят, и воскликнул:

— Ваше Величество, господа, приглядитесь: это не наследный принц!

— Скорее! Взять его! – Вань Тун был в ярости.

— Подождите! – внезапно велел император.

Прищурившись, он окинул внимательным взглядом мальчика, что привел с собой Тан Фань. Если не приглядываться, могло показаться, что тот выглядел в точности, как наследный принц. Даже редкие волосы на голове и шрам на лбу были идентичными.

Но император знал, что перед ним не принц, поскольку лицо того не могло принять подобного выражения.

— Кто это? – спросил он.

— Отвечаю Вашему Величеству, Вань Тун прятал этого человека в своем загородном доме в Дасине. Боюсь, с его помощью он собирался навредить наследному принцу!

— Ваше Величество! – воскликнул Вань Тун. – Прошу, не слушайте этот бред! Разве мог Ваш подданный пойти на такое преступление?!

— Господин Вань, все доказательства на лицо, – усмехнулся Тан Фань. – Двойник наследного принца стоит перед нашими глазами. Он может свидетельствовать, как и все обитатели твоего загородного дома. Зачем еще тебе могло понадобиться подыскивать кого-то, настолько похожего на наследного принца, замаскировывать его и даже обучать говорить и вести себя, как настоящий наследный принц?! – с этими словами он повернулся к юноше: – Рассказывай, как все было!

Прошлой ночью, оказавшись схваченным Суй Чжоу, паренек уже все им рассказал.

Фамилия его была Цю, а имя – Пин. Он был сыном земледельца и жил на границе Сычуани с Юньнанью. Спасаясь от голода, он бежал в Цинчжоу, где встретился с Вань Туном, что приехал в родной город навестить свою семью. Заметив, как тот похож на наследного принца, Вань Тун заинтересовался им и взял к себе. Научил его читать, писать, подражать манере поведения наследного принца и даже изменил его внешность, чтобы тот стал еще больше походить на принца и когда-нибудь, возможно, ему пригодился.

Теперь же, когда о существовании двойника принца узнали, мотивы Вань Туна стали всем очевидны.

Хоть император и принял решение низложить наследного принца, услышав о тайном заговоре, он пришел в ярость.

Вань Тун сыграл на привязанности императора к госпоже Вань и выставил его дураком!

Поведав обо всем, Тан Фань слабо улыбнулся:

— Ваше Величество, Ваш подданный также хотел поблагодарить господина первого министра. Если бы не его своевременное предупреждение старейшине Лю, которое тот передал этому министру, этот министр ни за что бы не узнал обо всем этом, и Вань Тун продолжал бы держать Ваше Величество в неведении и бесчинствовать! – его голос эхом разносился по залу: – Разве мог человек, вынашивающий столь коварные планы, искренне заботиться о стране и благе государя? Он просто хотел воспользоваться подвернувшимся шансом, подменить принца и сделать из наследника престола марионетку!

Вань Тун кипел от злости. Он не ожидал, что тем, кто в конце концов разрушит его планы, окажется именно тихий и сдержанный Вань Ань!

Неудивительно теперь, почему он молчал все это время – он просто ждал!

И зачем он только связался с этим корыстным и подлым человеком?!

Его глаза налились кровью, а ладони сжались в кулаки.

Ему хотелось задушить Тан Фаня, а еще лучше – забить Вань Аня до смерти.

Но он знал, что не может этого сделать.

Потому что те были весьма важными фигурами. Даже если бы и убил их, сбежать бы ему не удалось.

Сейчас его никто не опасался, поскольку, по правилам, никому, включая благородных сановников, не разрешалось проносить в зал оружие. Даже великие генералы, принимая участие в заседании Большого Двора, сдавали свои клинки у входа в Зал Высшей Гармонии. А с пустыми руками Вань Тун был не более, чем беззубым тигром.

Подкупить императорских гвардейцев было тоже невозможно. Во времена той династии

вероятность захвата власти посредством дворцового переворота была крайне мала. И если бы Вань Тун обладал такой возможностью, он не стал бы так старательно подговаривать императора низложить наследного принца.

Но, как говорится, загнанные в угол собаки и через стену перепрыгнут. Человек, оказавшись в безвыходном положении, не в состоянии мыслить здраво.

Вань Тун все понял, еще когда Тан Фань произносил свою короткую речь. Ему и так с трудом удалось убедить императора низложить наследного принца, надавив на его теплые чувства к госпоже Вань. Попытка прервать императорский род была непростительна. Даже если бы император не захотел его убивать, вдовствующая императрица с придворными чиновниками спуска ему бы не дали. Теперь наилучшим финалом для него оставалась лишь достойная смерть от отравленного вина, а наихудшим – обезглавливание на площади овощного рынка.

Оба эти варианта Вань Туна не устраивали. Он еще не успел растратить все свои бесчисленные сокровища! Вкус власти был слишком пленителен. Он настолько привык к славе и богатству, что не мог представить, как его голова падает с плеч.

А потому он совершил самый глупый и непоправимый поступок в своей жизни.

Не успел Тан Фань договорить слова: “Подменить принца и сделать из наследника престола марионетку”, – как Вань Тун, воспользовавшись тем, что всеобщее внимание приковано к Тан Фаню и двойнику принца, вдруг сорвался со своего места и со скоростью метеора бросился к сидевшему на троне императору!

Движения его были настолько быстрыми, что никто не успел ничего предпринять, беспомощно следя за его взметнувшейся вверх фигурой.

Евнух из Управления Церемониями, стоявший подле императора, успел лишь вскрикнуть и попытался загородить собой императора.

Но Вань Тун предвидел это и со злостью оттолкнул его с такой силой, что растерявшийся евнух завалился на бок.

Лицо императора исказилось от страха.

Однако тело его не поспевало за разумом – все, что ему оставалось, так это испуганно смотреть на приближающегося врага.

Вжух!

До уха императора долетел приглушенный свист.

Он понятия не имел, что произошло.

Пока глаза Вань Туна не расширились, а руки внезапно не опустились.

Сразу после чего император увидел наконечник стрелы, торчащей из его груди.

Стрела пронзила его сердце!

Император глядел, как Вань Тун падает перед ним с широко раскрытыми глазами, и в голове его было пусто как никогда.

Зал загудел, все бросились спрашивать, в порядке ли император, а императорская гвардия оттащила тело Вань Туна в сторону. Придя в себя, император обнаружил, что его ладони вспотели, а внутренние одежды промокли насквозь.

Суй Чжоу, стоявший у входа в Зал Высшей Гармонии убрал свой лук со стрелами и спокойно произнес:

— Ваш подданный должен был явиться раньше. Предатель был казнен. Ваше Величество, прошу прощения!

Императору наконец удалось вернуть себе присущее монарху величие:

— Как хорошо, что Гуанчуань подоспел вовремя, – сказав это, он указал на Ли Цзышэна: – Арестуйте и его!

Ли Цзышэн так испугался, что рухнул на колени, моля о пощаде:

— Ваше Величество, сжальтесь! Ваш подданный не имеет никакого отношения к Вань Туну!

Пэн Хуа с Инь Чжи и остальными членами фракции Ваней тоже изрядно побледнели.

После смерти Вань Туна они стали абсолютно бессильны и беспомощны.

Конфликт был исчерпан.

Но Тан Фаню некогда было наблюдать за их реакцией. Окинув пристальным взглядом зал, он несколько изменился в лице и, оставив двойника принца на императорскую гвардию, подошел к Суй Чжоу:

— Где Лян Фан?

Если не устранить этого человека, жди беды. Прочие члены фракции Ваней были теми еще негодьями, но тем, кто все придумал и организовал, был именно Лян Фан.

— Ван Чжи отправился на его поиски, – покачал головой Суй Чжоу.

В это время по дороге, ведущей к воротам из дворца, шел худенький молодой евнух.

Он шагал довольно быстро, опустив голову. Выглядел он уж больно юным: больше восемнадцати и не дашь. Роста был невысокого и выглядел совсем не примечательно.

Во дворце таких набралось бы с сотню.

Произошедшее в Зале Высшей Гармонии пока никак не отразилось на защите Запретного города, и охрана оставалась такой же, как и всегда.

Заметив, что молодой евнух собирается покинуть дворец, несший дежурство у Великих Западных Ворот стражник, как обычно, протянул руку, и евнух спокойно передал ему свой опознавательный жетон с пояса.

— Из Управления Утварью? Зачем покидаешь дворец? – стражник достал учетную книгу и записал в нее имя евнуха, одновременно задавая стандартные вопросы.

— Командующий Чэнь отправил за покупками, – тихо ответил евнух, опустив взгляд.

Стражник вернул ему жетон, и молодой евнух, поблагодарив его, собрался было покинуть дворец.

— Стоять! – раздался резкий крик у него за спиной.

Молодой евнух даже не обернулся. Вместо того чтобы исполнить приказ, он вдруг сорвался со своего места, стоило только голосу долететь до его ушей!

Рванул он с такой скоростью, что стражники оторопели.

Быстрее него был только человек, что бросился за ним вдогонку.

Услышав свист клинка, рассекшего воздух над его ухом, молодой евнух был вынужден сменить направление и юркнуть в сторону.

Но клинок, казалось, предугадал его намерения и преградил ему путь!

Молодому евнуху больше ничего не оставалось, кроме как перейти от защиты к нападению. Уклонившись от атаки противника, он улучил момент и, сделав выпад назад, вытащил саблю из ножен одного из привратников.

Оба оказались невероятно быстры, за одно мгновение успев обменяться более чем десятком ударов. А самым удивительным было то, что несмотря на свой юный возраст молодой евнух ничуть не уступал своему противнику. Остальные видели лишь блеск оружия и слышали звон клинков – за движениями их глаз не поспевал!

— Лян Фан! – приглядевшись, Ван Чжи раскрыл личность противника: – Ты вступил в сговор с сектой Белого Лотоса и, прячась во дворце, вынашивал коварные планы. И продолжаешь сопротивляться, даже когда Вань Тун был уничтожен?! В подобной ситуации тебе было бы лучше сдаться: Его Величество милостив и мог бы сохранить тебе жизнь!

Молодой евнух – или Лян Фан, замаскированный под молодого евнуха – холодно рассмеялся и ничего не ответил. Лишь саблей принялся орудовать с двойной силой, из-за чего Ван Чжи чуть отступил и был вынужден сменить тактику, переходя от нападения к защите и спокойно выжидая, пока противник откроется.

Лян Фан зловеще рассмеялся и спросил голосом, совершенно не подходящим его нынешнему

молодому лицу:

— Я был тем, кто научил тебя обращаться с саблей. Думаешь, сможешь одолеть меня?

С этими словами он полоснул Ван Чжи по плечу!

Ван Чжи даже не дрогнул. Улучив момент, он сделал прямой выпад, и острое его сабли со скоростью света устремилось к груди Лян Фана.

Оказавшись застигнутым врасплох, тот был вынужден отступить.

А значит, потерял возможность наступать.

На самом деле, Лян Фан вообще не хотел сражаться с Ван Чжи, и уж тем более не стал бы, как Вань Тун, совершать нечто настолько глупое, как попытка взять императора в заложники.

Стоило ему узнать, что Тан Фань явился на заседание с двойником принца, как он понял, что фракция Ваней обречена, и всю вину свалят на него.

А потому цель его была очевидна: он стремился покинуть дворец!

Выбравшись из Запретного города, он стал бы подобен дракону, вернувшемуся в родное море: свободным и беззаботным. В огромном море под бескрайними небесами ищи его свищи, как иголку в стоге сена.

Лян Фан хотел не драться, а бежать, а значит, победа над Ван Чжи или его убийство не принесли бы ему никакой пользы.

А вот Ван Чжи был полон решимости одержать верх: этого человека нужно было арестовать во что бы то ни стало!

Пока Лян Фан пятился, Ван Чжи оторвался от земли и бросился на него с позолоченной саблей в руке, целясь в незащищенное место на теле!

Рана на плече ничуть не замедлила его, он оставался быстр как молния.

Лян Фан уперся спиной в дерево.

Чтобы сбежать, ему необходимо было повернуться, но это бы его замедлило.

А в бою с настоящим мастером боевых искусств и мгновения промедления достаточно, чтобы переломить ход битвы!

Краем глаза Лян Фан заметил усмешку в уголках губ Ван Чжи.

И с удивлением обнаружил, что, кажется, попал в давно расставленную ловушку.

Ему ничего не оставалось, кроме как повернуться, чтобы не налететь на дерево.

Сейчас!

Ван Чжи прищурился и сделал выпад саблей, вонзив ее Лян Фану в плечо.

Тот вскрикнул, пошатнулся и упал на землю.

А Ван Чжи, не теряя времени попусту, бросился к нему и нанес ладонью удар по спине, прямо в сердце!

Изо рта Лян Фана хлынула кровь, сил сопротивляться или бежать больше не оставалось.

Если бы ушел раньше, а не остался, чтобы попытать удачу и посмотреть, сможет ли Вань Тун одержать вверх, Ван Чжи, скорее всего, его бы не догнал.

Но сожалениями делу не поможешь. Если бы каждый из нас знал, что его ждет в будущем, это самое будущее давно бы изменилось.

А потому любые игры разума в конечном итоге оказались бы бесполезны.

Лян Фан жадно хватал губами воздух.

Он был жив и, естественно, не мог погибнуть так легко.

Однако отныне жизнь его ему не принадлежала.

— Сбежать собрался? И чего ж не сбежал? – подошел к нему Ван Чжи.

Тот уставился на Ван Чжи острым как клинок взглядом:

— Не зазнавайся... Хе... Хе... Ты совершил слишком много зла. Рано или поздно тебя, как и меня, настигнет возмездие. Подожди и увидишь! После того как новый император взойдет на престол, тебе места при Дворе не останется!

— Я никогда не верил в реинкарнацию или карму, – усмехнулся Ван Чжи. – Если бы карма существовала, ты, черепаший внук, восемьсот лет назад бы сдох! Не думай, что я не знаю о том, как ты приказал придворной даме по имени Фу Жу (том 3), прислуживающей благородной наложнице Вань, убить наследного принца!

Он вытащил саблю из тела противника, заставив Лян Фана закричать от боли, истекая кровью.

— Командующий Лян, пора признать, причина твоей неудачи заключается в том, что амбиции твои не соответствовали твоим способностям. Другими словами, ты просто дурак! Понял?!

Лян Фан содрогнулся всем телом, глаза его закатились то ли от боли, то ли от нестерпимого гнева.

Естественно, Ван Чжи не собирался его убивать. У Лян Фана предстояло вывести еще немало секретов. Например, как ему удалось вступить в сговор с Ли Цзылуном? И с его ли помощью

тот смог подняться на Холм Долголетия и следить за дворцом?

Однако теперь все это было не так важно. С этой информацией они, в лучшем случае, отловят во дворце пару мелких сошек. Буря уже улеглась. В обозримом будущем секте Белого Лотоса не удастся восстановить силы. А если по прошествии нескольких десятилетий кто-то и начнет вновь поднимать волны во имя секты Белого Лотоса, то совершенно точно будет забота не нынешнего поколения.

Ван Чжи поднял глаза. Уже рассвело. Край неба на востоке окрасился в белый, будто таил в себе некое важное послание.

К воротам дворца спешила группа людей, среди которых были и Суй Чжоу с Тан Фанем.

Издав слабый вздох облегчения, он почувствовал острую боль от пореза на плече.

К счастью, все было кончено.

Ван Чжи вспомнил слова Лян Фана.

После того как новый император взойдет на престол...

Что же тогда будет?

Не станет ли ныне великодушный наследный принц таким же, как его отец?

Кто знает...

Может, станет, а может, и нет.

Он чувствовал, что хуже, чем сейчас, уже не будет.

Факел полыхает на яростном весеннем ветру, печь озаряет пламенем серую ночь.

Какой бы долгой ни была темная ночь, рассвет наступит неизбежно.

Послесловие автора:

Примечание:

1. Прошу обратить внимание, что процесс заседания Большого Двора на самом деле был не таким. Это вымысел.
2. На самом деле конец Вань Туна был другим, но в историю он, в любом случае, вошел как злодей, так что не особо это и важно ~
3. Не знаю, помните ли вы о смерти придворной дамы, прислуживающей благородной наложнице, из дела о Восточном дворце? Тогда было сказано, что благородная дама просто умерла в тюрьме. Господин Тан с командующий Ваном предположили, что кто-то из дворца вступил в сговор с сектой Белого Лотоса. Причем кто-то довольно высокопоставленный. Теперь эта тайна раскрыта. Лян Фан сдал себя с потрохами, воспользовавшись техникой маскировки,

которая явно принадлежала Ли Цзылуну из секты Белого Лотоса, так что теперь читатели знают: Лян Фан стоял за многими прошлыми событиями, включая жестокое обращение Хуан Цзинлуна с заключенными в провинции Цзянси, который умер в столичной тюрьме ~ Теперь правда о произошедшем наконец раскрыта!

В заключение:

С сентября прошлого года не прошло и полугода, а огромный роман на миллион иероглифов уже закончен. По сравнению со скоростью, с которой писался прошлый роман, это просто чудо какое-то.

Основная сюжетная линия романа – детективная. Один том – одно дело. А когда основная сюжетная линия заканчивается, роман также подходит к концу. Автор знает, что некоторые линии так и остались незавершенными. Например, будущее продвижение господина Тана по службе и любовная линия. Подробнее они будут раскрыты в экстрах.

Зачем оставлять это все на экстры? Затем, что господин Тан и так слишком быстро продвинулся по службе, а с падением секты Белого Лотоса, фракции Ваней и остальных основная сюжетная линия завершилась. Не о чем больше рассказывать. Затянуть – значит, просто увеличить количество слов, а необходимости в этом нет. Восхождение наследного принца на престол и смерть императора – вещи неизбежные, а история должна была завершиться на самом волнующем моменте. Незачем перегружать ее излишними подробностями. О том, как обстояли дела после восшествия принца на престол, будет рассказано в экстрах: так сюжет не окажется перегружен, и станет более лаконичным и логичным.

Какая радость, что вы, читатели, на протяжении всего этого пути были с господином Таном, графом Суем и командующим Ваном в жизни и на краю смерти, болезни и здравии и наконец встретили с ними рассвет победы. Кажется, когда мы впервые познакомились с господином Таном, он был лишь мелким чиновником, только начинающим свою карьеру. Но после всех взлетов и падений он наконец стал министром Кабинета. Нет ли у вас такого радостного чувства, будто прошла целая эпоха?

Примечания переводчика:

* - «Факел полыхает на яростном весеннем ветру, печь озаряет пламенем серую ночь» – строчка из стиха «Ода углю» Юй Цян (того самого, про которого размышлял Вань Ань в 149 главе).

План с двойником принца придумал Лян Фан, причем недавно! И убедил Вань Туна его проверить. А двойника вдруг, оказалось, нашел Вань Тун. И успел обучить грамоте... мдя....

Эпоха целая точно прошла, потому что то, что Мэн Си Ши писала чуть меньше полугода, я переводила все три года, три месяца и одну неделю)))

На счет радостного не соглашусь, потому что зная, какая “веселенькая” жизнь ждет господина Тана, я не вижу, чему особо радоваться. Разве что тому, что перевод подходит к концу) Правда, там еще куча экстр...

Кстати, об экстрах. В последнем 12 томе их будет аж 18 штук (благо они довольно короткие) + 1 большая экстра из печатного издания.

Напоминаю, что печатное издание было цензурным, там ТФ с СЧ просто очень близкие друзья, а значит, всех неприятных (для меня неприятных) моментов их отношений не было. К тому же мне говорили, что экстра из печатного издания довольно интересная и приятная, так что я приняла решение перевести ее вперед остальных.

Из-за чего (внимание!) нумерация экстр ИЗМЕНИТСЯ! Она будет точно не такой, как в оригинале. Поэтому, если вы вдруг читали оригинал или англ. перевод, то не запутайтесь! К тому же, экстра из печатной версии просто огромная (почти в два раза больше этой и без того большой главы), так что скорее всего я разобью ее на 2, а то и 3 главы.

Насчет остальных экстр: там будут некоторые интересные моменты. Например, последний разговор императора с принцем, свадьба Дуни и Тан Юй, подробности о карьере ТФ после того, как принц взшел на престол, о сыне принца, о карьере Ван Чжи, о Лу Линси забытом вспомнят. Самого Ван Чжи получше раскроют, Суй Чжоу попытаются (спойлер: имхо, не удачно), а потому я переводить их все же буду.

И да, будут отношения ТФ с СЧ, включая краткое упоминание постелек (никаких описаний), от которых я плевалась еще больше, чем от основного сюжета (это было ожидаемо).

Именно поэтому и я решила перевести сначала экстру из печатной версии, потому что там отношения СуйТанов поприятнее. И если постараться, можно, наверное, представить на их месте дорамных героев)

Ну и все, приберегу пафосные речи с прощаниями и радостными подергиваниями: “Добби свободен!” – до последней экстры. Надо еще их пережить.

<http://tl.rulate.ru/book/50212/3673194>